

БИБЛЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА И ПЕРВОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Виктор Беспалько*

В статье на основании древних текстов книги Бытие Ветхого Завета и их толкований, содержащихся в богословской и юридической литературе, рассматривается библейская версия божественного происхождения уголовного права, исследуются форма и содержание первой нормы уголовного закона. Автор сквозь призму категорий современной доктрины уголовного права анализирует содержание противоправности и характер наказуемости первого в библейской истории человечества преступления – грехопадения Адама и Евы. Показано значение грехопадения, с точки зрения христианской концепции уголовного права, а также его соотношение как архетипа уголовно наказуемого деяния с другими преступлениями. Отмечается богатство содержащегося в первой книге Священного Писания нормативного и исторического материала для правовых исследований древних истоков многих уголовно-правовых норм и институтов.

Обращаясь к библейским истокам действующих уголовно-правовых запретов и санкций, многие богословы и правоведы как в дореволюционные, так и в нынешние времена обычно в качестве отправной точки своих исследований избирали описываемый во второй книге Ветхого Завета – Исход – период чудесного освобождения евреев под предводительством пророка Моисея от египетского порабощения [2; 13; 25]. Такое положение дел вполне объяснимо, если принять во внимание следующие обстоятельства:

- во-первых, в книге Исхода юридически точно воспроизведены всемирно известные Десять заповедей (Исх. 20, 2–17), постановленные Богом на горе Синай, представляющие собой своего рода конституционные основы Синайского кодекса и всего последующего древнееврейского законодательства [6. С. 470–483];

- во-вторых, в данной книге в систематизированном виде представлены общеобязательные нормы поведения (Исх. 21, 1–36; 22, 1–31; 23, 1–33 и др.), относящиеся к

различным отраслям права (с точки зрения современных представлений о системе права), но по большей части – к праву уголовному [5. С. 19–34].

По-видимому, преимущественно уголовно-правовая природа Синайского законодательства стала причиной отождествления многими исследователями Священного Писания момента рождения уголовного закона с торжественным и чудесным появлением Декалога, и, как следствие, объявления действующего уголовного права наследником богоустановленного Синайского уголовного закона. Так, например, выдающийся русский юрист Н.С. Таганцев, характеризуя древнейший источник уголовно-правовых норм, писал: «В туманной глубине веков скрыт источник права, на его колыбель набрасывается мистический полог, божеское происхождение права. Право – это завет откровения, при громе и молнии данный на священной горе, народу избранному» [24. С. 65–66]. Схожую позицию по вопросу происхождения уголовного закона занимают авторы монографии

* Беспалько Виктор Геннадиевич, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Российской таможенной академии

«Христианское учение о преступлении и наказании», где содержатся утверждения о том, что первым словом Бога в области уголовного права были законы пророка Моисея и что они «изложены в четырех из пяти книг Моисея: Исход, Левит, Числа, Второзаконие» [26. С. 54–56].

Нисколько не умаляя непреходящего общечеловеческого значения Десяти заповедей и Синайского кодекса, хотелось бы заметить, что приведенные выше суждения являются типичными проявлениями если не отрицания, то, по крайней мере, недопонимания нормативно-правового значения первой книги Библии – Бытие. По нашему мнению, мыслители-правоведы незаслуженно обделили вниманием самый ранний (досинайский) период ветхозаветной истории человечества, в котором, как нам кажется, и кроются настоящие библейские корни человеческого индивидуального и социального бытия, включая возникновение права в целом и уголовного права в частности. Примечательно, что в отличие от правоведов богословы прекрасно понимают юридическое значение книги Бытия. Например, свт. Филарет Московский, обратившись к ее толкованию и руководствуясь сопоставлением содержания данной части Библии с обстоятельствами ее происхождения, в качестве одной из целей начальной книги Пятикнижия выделил ее проюридическое предназначение – «возвысить понятие о законе естественном, униженное обычаями» [21. С. 19]. А древнееврейский писатель Филон Александрийский отводил книге Бытия роль удивительной преамбулы к Моисееву законодательству [23].

Для подтверждения тезиса о том, что своими древними корнями уголовное право восходит к самым начальным страницам библейской истории, необходимо обратиться к рассказу книги Бытия о сотворении Богом человека и жизни первых людей в раю. По нашему убеждению, первым в библейской истории уголовно-правовым (по форме и содержанию) установлением стала заповедь, постановленная Богом для Адама после его поселения «в саду Едемском» (Быт. 2, 15): «И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть; а от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2, 16–17) [4. С. 8–11].

В богословских трудах, посвященных толкованию данного установления Божьего, можно обнаружить множество сужде-

ний, близких к правовым умозаключениям, включая выделение в заповеди, данной Господом Адаму, таких составных элементов, как благословение, запрещение и угроза [21. С. 86]. Такая конструкция заповеди Божией сродни конструкции любой современной уголовно-правовой нормы и, по сути, является собой прообраз первичного и конечного элемента системы уголовного права, каковым является норма особенной части уголовного закона, состоящая из диспозиции в виде описания преступления, т.е. собственно уголовно-правового запрета, и санкции в виде указания на виды и размеры полагающегося наказания.

Поэтому внимательный сугубо юридический взгляд на содержание и форму построения первого императивного закона, установленного Богом первым людям показывает, что это был именно уголовный по своей форме, а также характеру и содержанию закон, включающий в себя и запрет – «а от дерева познания добра и зла, не ешь от него», и санкцию – «ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь». Авторы «Христианского учения о преступлении и наказании» также признают, что именно с этого установления Божьего началось уголовное законодательство, а смертная казнь – первоначальный вид наказания, обязательное условие применения которой – указание о ней в Завете, т.е. предупреждение о возможности ее применения в связи с запрещенным заповедью конкретным деянием [26. С. 65].

И хотя данная санкция, по нашему мнению, никак не может быть отождествлена со смертной казнью в ее современном понимании, тем не менее, при обращении к ней, действительно, невольно возникает профессиональное юридическое желание провести соответствующие параллели и указать, что смертная казнь (но не в ее позитивном правовом толковании – лишение человека жизни, а именно в библейском смысле – лишение человека бессмертия) – это первое уголовное наказание из известных священной истории человечества. Ибо, как сказано ап. Павлом, «возмездие за грех – смерть» (Рим. 6, 23), или, как утверждает православное богословие, «смерть – это казнь бессмертного человека, которой он поражен за послушание Бога» [20. С. 128].

При этом смерть как наказание, указанное в санкции данной заповеди, в христианском богословии традиционно рассматривается двояко:

1) смерть физическая – утрата бессмертия, превращение человеческой природы в смертную;

2) смерть духовная – лишение благодати Божией, ибо, как учил свт. Григорий Палама, «как отделение души от тела есть смерть тела, так отделение Бога от души есть смерть души» [9. С. 204].

Современные авторы также отмечают двойственность смысла санкции рассматриваемой нормы. Например, в научно-популярном труде «В начале» американского писателя А. Азимова можно найти и буквальное объяснение значения данного стиха Библии («плод с дерева познания содержит смертельный яд и обязательно убьет человека») и менее буквальное («если человек съест плод, то это убьет его духовно, ибо он потеряет невинность и преисполнится грехом»), поэтому «в момент вкушения плода он, может быть, и не умрет, но зато с этой самой минуты будет знать, что жизнь его с неизбежностью когда-нибудь закончится» [1. С. 174–175].

Кроме того, в богословской литературе отмечается и другой аспект первого наказания, установленного в санкции рассматриваемой заповеди. Отец Серафим Роуз в своих толкованиях событий первых глав книги Бытия указал, что смерть следует рассматривать не только как кару, но и как благо, «поскольку раз человек пал, если бы он оставался при этом бессмертным, не было бы для него выхода» [18. С. 212]. В развитие данного тезиса можно отметить, что и современная христианская антропология исходит из того, что «различные наказания, включая смерть, являются для человека не только необходимым следствием его грехов, но и благодеяниями Божиими по отношению к грешнику» [9. С. 309]. Подтверждения такого христианского подхода к значению наказания находятся в книгах Ветхого и Нового Заветов Священного Писания, где сказано, что *«кого любит Господь, того и наказывает, и благоволит к тому, как отец к сыну своему»* (Прит. 3, 12), и что *«если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы; будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром»* (1 Кор. 11, 31–32).

Справедливости ради, следует оговориться, что в юридической литературе высказано мнение о том, что смерть вообще не является наказанием, исходящим от Бога, что в обращенных к Адаму словах заповеди *«смертию умрешь»* вовсе «нет угрозы, а есть только предупреждение о неизбежных

последствиях» [15. С. 12]. Данное суждение опирается, по-видимому, на новозаветную трактовку грехопадения, с одной стороны, и основанное на ней святоотеческое наследие, с другой стороны. Так ап. Павел писал христианской общине Рима: *«Посему, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили»* (Рим. 5, 12). Несколько столетий спустя преп. Иоанн Дамаскин указал, что «смерть, а равно и другие казни – от человека, то есть следствия преступления Адама» [19. С. 164]. А еще позднее свт. Григорий Палама, выдающийся византийский богослов и философ, добавил, что «смерть, прибывшая через преступление, не душу только сделала непотребною и человека подклятвоным, а и тело, сделав многоболезненным и многострастным, предала наконец смерти» [9. С. 204].

И действительно, наказания без преступления не бывает. Но что касается санкции как части правовой нормы, то, по нашему мнению, любая санкция Божьего ли, государственного ли (в том числе уголовного) закона одновременно является и предупреждением о неотвратимости наказания за нарушение охраняемого ею порядка, и угрозой наступления предусмотренных ею неблагоприятных последствий для правонарушителя.

При этом нельзя не отметить очевидное превентивное значение рассматриваемой санкции, да и всей заповеди Божией Адаму в целом. Ибо считается, что Бог создал Адама «достаточно совершенным для выбора и достижения бессмертия и предупредил его о последствиях непослушания» [9. С. 134]. Таким образом, первый уголовно-правовой запрет призван был предупредить грехопадение, а не просто формально-юридически обеспечить законные основания привлечения Адама и Евы к ответственности за преступление. К сожалению, именно последняя тенденция все больше проявляется в уголовной политике современного российского государства на фоне усугубляющейся формализации уголовного материального и процессуального права.

Как показано выше, в христианской литературе можно встретить достаточное число суждений проюридического толка о сущности санкции, содержащейся в заповеди Божией Адаму – не вкушать плодов от древа познания добра и зла. Однако подобных по характеру замечаний относительно самого запрета или диспозиции

рассматриваемой нормы, его социального смысла, встречается немного. Видимо, такое положение, сложившееся в богословии и библеистике, объясняется сакральностью данного правила, невозможностью его самостоятельного постижения человеческим разумом. Не являясь исключением, и мы попытаемся дать правовую характеристику данному запрету, ориентируясь больше на форму его выражения.

Ранее уже было сказано, что данный запрет сформулирован как жесткое, подлежащее безусловному исполнению правило. То есть в основу построения данной нормы положен присущий уголовному праву любого государства императивный метод правового регулирования. На это указывают как негативная форма построения правила («не ешь»), так и повелительное наклонение глагола. При этом рассматриваемая заповедь не допускает каких-либо исключений, не предусматривает смягчающих и тем более исключаящих ответственность обстоятельств и т.п., что указывает на ее абсолютный характер. Последний редко встречается в современных уголовно-правовых системах, все более обрастающих разнообразными исключениями из общих правил, далеко не всегда социально оправданными и согласующимися с принципами справедливости и равенства.

С точки зрения классификации диспозиций юридических норм на виды, выделяемые теорией права, запрет – «а от дерева познания добра и зла, не ешь от него» – сформулирован по типу простой диспозиции, которая не раскрывает содержания зафиксированных в ней понятий и правил и не содержит ссылок на иные нормативные установления для уяснения ее сути. В результате такая форма диспозиции делает еще более таинственным содержание самого запрета, скрывает его подлинный и глубокий смысл за простотой формы выражения в библейском тексте.

Таким образом, первая в библейской истории уголовно-правовая норма имела своим призванием не допустить грех, зло, преступление в созданный и устроенный Богом мир и порядок. При этом ее появление было обусловлено присущей человеку внутренней свободой следовать или не следовать написанному на скрижалях его души закону Божию. Постановив Адаму заповедь не вкушать плодов с дерева познания добра и зла под угрозой смерти, Бог как Законодатель и Промыслитель употребляет все используемые и сегодня правовые средства,

чтобы удержать созданную нравственную свободу человека от греха преступления:

1) гласно воспрещает грех Своим законом, объявляет его преступлением, устанавливает его противоправность;

2) обуздывает грех наказаниями, дополняя запрет суровой, но соответствующей характеру преступления санкцией;

3) обеспечивает справедливость и достижение целей наказания через его неотвратимость и индивидуализацию исполнения, проявляя при этом милосердие;

4) умеряет последствия зла, не позволяя преступлению стать социальной нормой, но даруя при этом человечеству надежду на спасение от последствий грехопадения.

К сказанному полагаем необходимым добавить, что поскольку до грехопадения люди не имели представлений о добре и зле, т.е. о нравственности, основанных на живом опыте, постольку, как пишет В.В. Сорокин, «первый закон от Бога был просто правовым (правильным, истинным, абсолютным), а последующие обрели еще и нравственное качество. Можно сказать, что Первозакон был развит и трансформирован в развернутую систему Заповедей и совесть» [22. С. 6].

Об этом другими словами еще в первые века христианства один из наиболее выдающихся раннехристианских теологов Тертуллиан писал: «В законе, данном Адаму, находим прикрытыми все заповеди, впоследствии объявленные через Моисея, как то: «И люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими» (Втор. 6: 5); «...Люби ближнего твоего, как самого себя...» (Лев. 19: 18); «Не убивай. Не кради. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего» (Исх. 20: 13, 15, 16); «Почитай отца твоего и мать твою...» (Исх. 20, 12); «Не желай... что есть у ближнего твоего» (Втор. 5: 21). Таким образом, первый закон, преподанный в раю Адаму и Еве, является как бы некоей матерью всех прочих заповедей Божиих. На самом деле, если бы Адам и Ева любили Господа своего, они не поступили бы против Его заповеди; если бы любили ближнего, то есть друг друга, они бы не поверили бы навету змия и не убили бы непосредственно после этого себя, потеряв бессмертие нарушением заповеди; они бы не совершили кражи, вкусив тайно от плода и стараясь скрыться от лица Божия; они не стали бы соучастниками лжецу – дьяволу, поверив ему, что они станут как боги; наконец, если бы они не возжелали чужого, они бы не вкусили от запрещенного плода.

Значит, в том общем и первоначальном законе Божиим содержались все заповеди последующего закона, которые были объявлены в свое время» [8. С. 249–250].

Блаженный Августин, именуемый «юрисконсультот Царствия Божия в противовес, например, язычнику Ульпиниану, назвавшему себя «жрецом права», то есть обожествлявшему сам закон» [12. С. 59], также видел в прародительском грехе «и гордость, так как человек восхотел подчиняться больше себе, чем Богу; и поругание святости, так как не поверил Богу; и человекоубийство, потому что подвергнул себя смерти; и духовное прелюбодеяние, потому что непорочность человеческой души была погублена обольщением змия; и воровство, потому что человек воспользовался запрещенной снедью; и алчность, потому что он домогался большего, чем нужно было» [8. С. 626].

Таким образом, и ранняя и современная христианская традиция рассматривает данную Богом заповедь Адаму и Еве не только как частный уголовно-правовой запрет, установленный для определенных условий времени, места и субъектов, но и как прообраз всякого закона вообще – и уголовного, и нравственного, как универсальную формулу, вместившую в себя все богатство всех последующих заповедей и законов, исходящих от Бога или отвечающих качествам справедливости Божией.

Примечательно, что не только наказание, но и сам термин «преступление», являющийся одним из самых важных в науке уголовного права, своими корнями восходит к грехопадению Адама и Евы, ибо первое преступление было не чем иным, как преступлением заповеди Божией. Оно стало архетипом всех последующих преступлений, совершенных и совершаемых людьми. Оно принесло за собой в жизнь и мир все остальные преступления. Таким образом, исторически и этимологически фраза «совершить преступление» означает как с библейской, так и с правовой точки зрения, – «переступить через закон» (будь то закон Божий или закон уголовный).

Русская Православная Церковь утверждает: «Следование божественным законам есть жизнь» [16. С. 63]. Руководствуясь данной логикой, можно развить это суждение до вывода о том, что следование земным уголовным законам есть не просто безопасная для каждого из нас и всего общества, но и достойная жизнь человека вне Эдема, ибо «и падший человек сохранил свободу избрать с помощью Божией правый путь» [16.

С. 63]. Потому отступление от закона Божия и соответствующего ему закона уголовного есть преступление, совершенное изначально в душе человека (впадение в грех самовозвышения над всяким законом, грех гордыни и тщеславия), а уже затем преступление, выраженное в поведении индивида – конкретном сознательно-волевом («без свободной воли нет ни праведности, ни греховности» [8. С. 257]), общественно опасном и противоправном действии или бездействии. А потому главным источником всякого преступления является, как мы видим из истории грехопадения, «помраченное состояние человеческой души» [16. С. 94]. Так, по словам свт. Дмитрия Ростовского, причиной грехопадения Адама было его безрассудство – он должен был понять заповедь и соблюдать ее, но был умственно нерадивым; из этого родилось неверие, из него – непослушание и преступление [14. С. 132]. В развитие данных суждений о. Георгий (Чистяков) указал, что «и не в нарушении запрета, и не в интимной близости заключается падение, заключается первородный грех», а «в безответственности Адама», ибо «снимая себя ответственность, Адам обрекает себя и обрекает свою жену на бесконечно трудную жизнь», ибо «безответственность – грех самый страшный и губительный», потому «вся Библия говорит именно об ответственности, об ответственности человека за то, что он делает и не делает, об ответственности нашей и за мир вокруг нас» [27. С. 48–49].

Согласно Библии *«всякий, делающий грех, делает и беззаконие; и грех есть беззаконие»* (1 Ин. 3, 4). При этом, конечно же, «понятие греха, установленное православными нравственными нормами, гораздо шире, чем представление светского права о преступлениях» [16. С. 94]. Хотя с рассматриваемых начальных времен существования рода людского в течение многих столетий в философской и юридической литературе понятие преступления раскрывалось именно через понятие греха. Так, например, Т. Гоббс, классик правовой и политической мысли, будучи философом-материалистом, тем не менее, писал, что «преступление есть грех, заключающийся в совершении делом и словом того, что запрещено законом, или в неисполнении того, что он повелевает», хотя при этом признавал, что «всякое преступление есть грех, но не всякий грех есть преступление» [7. С. 200].

Итак, первое преступление было совершено первыми людьми, и тяжесть гре-

хорошения Адама и Евы, кроется не столько в опасности их поступка, выразившегося вовне, сколько в их душевном помрачении, достигшем уровня неслыханной для религиозного общества дерзости – ослушания воли Божией, воли любящего Создателя. Именно вследствие болезненной гордыни лживые и лживые обещания змия («нет, не умрете», «и вы будете как боги» – Быт. 3, 4–5) достигли глубин их сердец, отравили их и склонили к преступному посягательству на место Бога в мире. Не случайно грехопадение Адама иногда квалифицируется в теологии как «мятеж ничтожный», устроенный сатаной, который хотел дать падшему человеку «другой закон» [14. С. 168]. Протоиерей Александр Мень полагал, что «грехопадение было первым моментом, когда в человеке восторжествовала воля к власти» [17. С. 73]. На такую юридическую природу первого преступления указывал и свт. Игнатий Брянчанинов: «В чем существенно состоял грех первозданных? Внешне он состоял во вкущении от запрещенного древа. Он получает и большую тяжесть и большее значение, когда мы определим его нарушением заповеди Творца тварью, противодействием твари воле Творца. Еще большее значение получает он, когда мы признаем в нем попытку человека стать равным Богу. А на эту именно попытку и указывает Бог словами, полными неизреченного сострадания, произнесенными Им при изгнании праотцов из рая: «Вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло» (Быт. 3, 22)» [20. С. 101–102]. Таким образом, содеянное Адамом и Евой служит не только прообразом всякого преступления вообще, архетипом всех последующих преступлений, но и прообразом конкретного уголовно наказуемого деяния – преступного посягательства против законной власти.

При этом следует оговориться, что среди различных толкований Библии можно встретить и упрощенное понимание преступности грехопадения. Например, не-

мецкий библеист Б. Зальцманн рассказ о грехопадении назвал «Первая кража во Всемирной истории», но при этом признал, что «преступление Адама и Евы подлежит наказанию не за то, что они присвоили чужую собственность, а потому, что они не послушались Бога» и что «изгнание из рая – не наказание за кражу; оно должно предотвратить более серьезное зло» [10. С. 71–72].

Однако, в любом случае, нарушив закон Божий – закон жизни, теперь «со времени грехопадения человек подчинен закону смерти» [28. С. 45], он не только не занял места равного Богу, но и был значительно удален от Бога. Как пишет об этом православный антрополог П.В. Добросельский, «если раньше благодать была внутри человека, а соблазн вне его, то после падения соблазн стал внутри человека, а благодать вне его» [9. С. 209]. Так закон Божий был вытеснен из человеческой души законом преступным – «преступлением заповеди Божией грех разлился по душе человеческой, и дьявол основал в ней закон греха и смерти, и, таким образом, она своими желаниями обращается большей частью в круг греховного и смертного» [3. С. 43]. Так начался новый этап библейской истории человечества – история преступлений.

Таким образом, на основании изложенного можно заключить, что даже небольшое по объему описание жизни первых людей в раю и их изгнания, при взгляде на данную часть книги Бытия сквозь призму материального уголовного права, открывает нам библейские истоки уголовного закона вообще и многих его актуальных понятий, норм и институтов в частности. Как в рассмотренных, так и в последующих событиях ветхозаветной истории содержится богатый и ценный нормативный и фактический материал, заслуживающий пристального внимания со стороны представителей самых разных наук – библеистики, истории, юриспруденции и др.

Литература:

1. Азимов А. В начале. М., 1989.
2. Аксенов П. Моисеево уголовное право. СПб., 1904.
3. Архимандрит Иустин (Попович). О первородном грехе. Пермь, 1999.
4. Беспалько В.Г. Библейская концепция происхождения уголовного права // Происхождение государства и права: ревизия концепций: сб. тезисов международной конференции (14 июня 2014 г., г. Санкт-Петербург). СПб., 2014.
5. Беспалько В.Г. Понятие, признаки, система и виды преступлений в Синайском уголовном праве (по материалам книги Исхода) // Публичное и частное право. 2011. Вып. III (XI).

6. Беспалько В.Г. Уголовно-правовое значение ветхозаветных Десяти заповедей // Вопросы правоведения. 2013. № 3.
7. Гоббс Т. Левиафан. М., 2001.
8. Добросельский П.В. О полемических аспектах происхождения, грехопадения и цели земной жизни человека. М., 2009.
9. Добросельский П.В. О происхождении человека, первородном грехе и искусственном зарождении. М., 2008.
10. Зальцманн Б. Криминальные истории в Библии. М., 2005.
11. Иероним Стридонский. Еврейские вопросы на Книгу Бытия. М., 2009.
12. Куприянов А. Библейские корни правосознания россиян // Российская юстиция. 1998. № 1.
13. Лопухин А.П. Законодательство Моисея. Исследование о семейных, социально-экономических и государственных законах Моисея. Суд над Иисусом Христом, рассматриваемый с юридической точки зрения. Вавилонский царь правды Аммураби и его новооткрытое законодательство в сопоставлении с законодательством Моисеевым. М., 2005.
14. Митрополит Черногорско-Приморский Амфилохий (Радович). История толкования Ветхого Завета. М., 2008.
15. Никонов В.А. Библия и уголовный закон. Тюмень, 1995.
16. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2000.
17. Отец Александр Мень отвечает на вопросы слушателей. М., 1999.
18. Отец Серафим Роуз. Бытие: сотворение мира и первые ветхозаветные люди. М., 2004.
19. Преподобный Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. М., 2007.
20. Святитель Игнатий (Брянчанинов). Жизнь и смерть. Слово о человеке. Слово о смерти. М., 2007.
21. Святитель Филарет (Дроздов). Толкование на Книгу Бытия. М., 2004.
22. Сорокин В.В. Понятие совести в правовом измерении // История государства и права. 2009. № 21.
23. Сочинения Филона Александрийского. Толкования Ветхого Завета // <http://www.biblicalstudies.ru/filon.html>.
24. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. Т. 1. М., 1994.
25. Тер-Акопов А. Законодательство Моисея: общая характеристика // Российская юстиция. 2003. № 9.
26. Христианское учение о преступлении и наказании / науч. ред. К.В. Харabet, А.А. Толкаченко. М.: Норма, 2009.
27. Чистяков Г.П. Пятикнижие: дорога к свободе. М., 2011.
28. Юнгеров П.А. Учение Ветхого Завета о бессмертии души и загробной жизни. Киев, 2006.

THE BIBLICAL HISTORY OF THE CRIMINAL LAW AND THE FIRST OFFENSE

The article, on the basis of ancient texts of Genesis of the Old Testament and their interpretations as contained in the theological and legal literature, discusses the biblical version of the divine origin of criminal law, examines the form and content of the first provisions of criminal law. The author through the prism of the categories of the modern doctrine of criminal law analyzes the content of the wrongfulness and the nature of the punishment for the first crime in the biblical history - the fall of Adam and Eve. The fall is shown from the point of view of the Christian

concept of criminal law, as well as its relation as an archetype of criminal acts with other crimes. The richness of normative and historical material for legal studies of the ancient origins of many criminal-legal norms and institutions contained in the first book of the Scripture is highlighted

Viktor G. Bespalko,
Candidate of Science (Law), Associate
Professor, Professor, Department of criminal
law disciplines, the Russian Customs
Academy

Ключевые слова:

Библия и уголовное право, ветхозаветное уголовное право, право и религия, история уголовного права, происхождение уголовного права.

Keywords:

The Bible and criminal law, the Old Testament, criminal law, law and religion, history of criminal law, the origin of criminal law.

References:

1. Azimov A. V nachale [In the beginning]. M., 1989.
2. Aksenov P. Moiseevo ugovnoe pravo [Moses criminal law]. SPb., 1904.
3. Arhimandrit Iustin (Popovich). O pervorodnom grehe [About original sin]. Perm', 1999.
4. Bespal'ko V.G. Biblejskaja koncepcija proishozhdenija ugovnogo prava [The biblical concept of the origin of criminal law] // Proishozhdenie gosudarstva i prava: revizija koncepcij: sb. tezisov mezhdunarodnoj konferencii (14 ijunja 2014 g., g. Sankt-Peterburg) [The origin of the state and law: revision of concepts: abstracts of the international conference (June 14, 2014 in Saint-Petersburg)]. SPb., 2014.
5. Bespal'ko V.G. Ponjatie, priznaki, sistema i vidy prestuplenij v Sinajskom ugovnom prave (po materialam knigi Ishoda) [Definition, symptoms, system, and crimes in the Sinai criminal law (based on the book of Exodus)] // Publichnoe i chastnoe pravo [Public and private law]. 2011. Vyp. III (XI).
6. Bespal'ko V.G. Ugolovno-pravovoe znachenie vethozavetnyh Desjati zapovedej [Criminal law is the Ten commandments of the old Testament] // Voprosy pravovedenija [Questions of law]. 2013. № 3.
7. Gobbs T. Leviatan [Leviathan]. M., 2001.
8. Dobrosel'skij P.V. O polemicheskikh aspektah proishozhdenija, grehopadenija i celi zemnoj zhizni cheloveka [On the polemical aspects of origin, fall and purpose of earthly life]. M., 2009.
9. Dobrosel'skij P.V. O proishozhdenii cheloveka, pervorodnom grehe i iskusstvennom zarozhdenii [About the origin of man, original sin and artificial origin]. M., 2008.
10. Zal'cman B. Kriminal'nye istorii v Biblii [Criminal history in the Bible]. M., 2005.
11. Ieronim Stridon'skij. Evrejskie voprosy na Knigu Bytija [Hebrew questions on Genesis]. M., 2009.
12. Kuprijanov A. Biblejskie korni pravosoznaniya rossijan [The biblical roots of consciousness of Russians] // Rossijskaja justicija [Russian justice]. 1998. № 1.
13. Lopuhin A.P. Zakonodatel'stvo Moiseja. Issledovanie o semejnyh, social'no-jekonomicheskikh i gosudarstvennyh zakonah Moiseja. Sud nad Iisusom Hristom, rassmatrivaemyj s juridicheskoy točki zrenija. Vavilonskij car' pravdy Ammurabi i ego novootkrytoe zakonodatel'stvo v sopostavlenii s zakonodatel'stvom Moiseevym [The Law Of Moses. A study of family, socio-economic and public laws of Moses. The trial of Jesus Christ, considered from a legal point of view. Babel the king of righteousness, Hammurabi and new legislation in comparison with the law of Moses]. M., 2005.
14. Mitropolit Chernogorsko-Primorskij Amfilohij (Radovich). Istorija tolkovaniya Vethogo Zaveta [The history of old Testament interpretation]. M., 2008.
15. Nikonov V.A. Biblija i ugovnyj zakon [The Bible and the criminal law]. Tjumen', 1995.
16. Osnovy social'noj koncepcii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi [The basis of the social concept of the Russian Orthodox Church]. M., 2000.
17. Otec Aleksandr Men' otvechaet na voprosy slushatelej [Father Alexander Men respond to questions from the audience]. M., 1999.
18. Otec Serafim Rouz. Bytie: sotvorenie mira i pervye vethozavetnye ljudi [Genesis: the creation of the world and the first people of the old Testament]. M., 2004.
19. Prepodobnyj Ioann Damaskin. Tochnoe izlozhenie pravoslavnoj very [An exact exposition of the Orthodox faith]. M., 2007.
20. Svjatitel' Ignatij (Brjanchaninov). Zhizn' i smert'. Slovo o cheloveke. Slovo o smerti [Life and death. A word about the man. A word about death]. M., 2007.
21. Svjatitel' Filaret (Drozdov). Tolkovanie na Knigu Bytija [A commentary on the Book of Genesis]. M., 2004.
22. Sorokin V.V. Ponjatie sovesti v pravovom izmerenii [The concept of conscience in the legal dimension] // Istorija gosudarstva i prava [History of state and law]. 2009. № 21.
23. Sochinenija Filona Aleksandrijskogo. Tolkovaniya Vethogo Zaveta [The Writings Of Philo Of Alexandria. Interpretation Of The Old Testament] // <http://www.biblicalstudies.ru/filon.html>.
24. Tagancev N.S. Russkoe ugovnoe pravo: lekcii. Chast' obshhaja [Russian criminal law: lectures. The portion of the total]. T. 1. M., 1994.
25. Ter-Akkopov A. Zakonodatel'stvo Moiseja: obshhaja harakteristika [The law of Moses: General characteristics] // Rossijskaja justicija [Russian justice]. 2003. № 9.
26. Hristianskoe uchenie o prestuplenii i nakazanii [Christian teaching about crime and punishment] / nauch. red. K.V. Harabet, A.A. Tolkachenko. M.: Norma, 2009.
27. Chistjakov G.P. Pjaticnizhie: doroga k svobode [The Pentateuch: the road to freedom]. M., 2011.
28. Jungerov P.A. Uchenie Vethogo Zaveta o bessmertii dushi i zagrobnoj zhizni [The old Testament teaching about the immortality of the soul and the afterlife]. Kiev, 2006.